

Фантастический роман

Нить памяти и свет любви

Хранители границы...

Евгения Степанова-Конева

Евгения Конева

Нить памяти и свет любви.

Фантастический роман

<https://litres.ru/74468682>

SelfPub; 2026

Аннотация

На краю древнего леса, в деревне Великое Озеро, держит границу между мирами последняя хранительница — Калина. Когда прорехи в ткани мира начинают расти, она переходит по ту сторону и становится якорем, удерживающим мир от распада. Цена — память. С каждым днём она теряет кусочки себя: запах трав, смех любимого, лицо матери. Но отпустить нить — значит дать пустоте поглотить деревню...

Исайя, оставшись по эту сторону, ищет того, кто сможет сменить Калину. Он находит мальчика Тимку, который слышит тишину и видит прорехи там, где другие видят лишь воздух. Но люди боятся магии и мешают ему действовать...А прорехи тем временем питаются не только магией — они питаются страхом, обидами, забытыми обещаниями. Чинить приходится не воздух, но и сердца.

Роман о том, что мир держится не на чудесах, а на памяти о хорошем и готовности не оставлять тех, кому страшно. О любви, которая остаётся, даже когда забыто, как она начиналась.

О мальчике с солнечным сердцем, который научился говорить «нет» пустоте.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Евгения Степанова - Конева

Нить памяти и свет любви. Фантастический роман

Глава

Фантастический роман «Нить памяти и свет любви».

Часть первая: Пробуждение границы.

Глава 1. Тени древних лесов.

Ночь окутала деревню Великое Озеро мягким светом луны. Леса, стоявшие на границе между реальным и потусторонним, настраивали мир на загадочный лад. Тишина, которая царила вокруг, казалась живой, она шептала о забытых легендах тех времен, когда люди и духи ходили рука об руку по земле.

В этом волшебном месте, среди сгущающегося мрака, стояла одинокая избушка. Из её окон струился тёплый свет, словно алое солнечное пятно, впитавшее в себя всю энергию дня. Внутри её, на полках, пылились книги с пожелтевшими страницами. Каждая страница хранила в себе истории о любви, предательстве и потерях, о которых никто не смел говорить вслух.

В углу комнаты, сама атмосфера напоминала о клинках истинной войны. На стенах висели картины, изображавшие пойманные мгновения: древние ритуалы, танцы под звёздами, обряды, когда губы судьбы шептали имена. Именно здесь жила Калина, охраняющая тайны прошлого, остающаяся одним из последней хранительницей этих ветхих знаний.

Она настороженно наклонилась к старинной книге в руках. Листая пожелтевшие страницы, Калина чувствовала, как холодный ветер доносит до неё ароматы старых лесов, полных магии и тайн. Викинги, которые когда-то переплывали моря, искали не только богатства, но и страсть, сливая свои жизни с местными духами.

— Легенды, — прошептала она, прочитывая строчки о

любви между человеком и феей. — Мы все мечтаем о таких, не так ли?

В этот миг дверь заскрипела, и в её сердце вновь зажглось пламя надежды. На пороге стоял Исайя — её давний друг и, в неясной степени, более того. Волосы его слегка развевали ветер, как волны реки, отражавшей свет луны. Он всегда являлся в моменты, когда солнечный свет покидал её мир.

— Калина, — его голос был глубоким, будто старинные колокольчики в тумане, — ты не согласишься, что я нашёл.

Исайя шагнул в комнату, выставив вперед оберег, сделанный из древесины, поглощённой временем. Гладкие линии ручной работы рассказывали о юнце, который однажды выкрыл его с благой целью защитить своего любимого. Этот оберег полон энергии — такой же, как и его обладатель.

— Это древний символ, — произнес Исайя, его глаза вспыхнули с азартом. — Некоторые говорят, что он обладает силой увести с любовью в мир за пределами нашего.

Калина, с волнением и трепетом, протянула руку, но оберег не оставлял её равнодушной. Он шептал тайные слова, зовя её совершить шаг в неизвестность. По всей коже пробегали мурашки.

— Ты понимаешь, что это может привести к опасности? — спросила она, словно защищая тихие шепоты из прошлого. Исая лишь улыбнулся, его уверенность осыпала её сомнения.

— Я нашел его в заброшенном храме, — продолжал он, его голос звучал как мелодия, — там, где легенды, встретившиеся с нашей реальностью, оставили свои следы. Эти места могут показать нам путь.

Недалеко от их избушки раздался треск, и в темноте леса послышался шорох. Сердце Калины заколотилось в груди. Исая наклонился ближе, словно готовый защитить её от неведомого. В её глазах отражалась тревога и зарождающаяся непокорная любовь.

— Пора бы нам исследовать, — произнес Исаяя, его взгляд стал настойчивым, как неожиданный порыв ветра. — Мы не можем оставаться в тени. Нам дана возможность, и мы должны её использовать.

Собравшись с духом, Калина кивнула. Каждый шаг в эту ночь стучал в её сердце, наполняя его разными чувствами. Она понимала, что тьма в лесу может скрывать многие тайны, но она жаждала открытий — как будто это был её долг, как будто сама судьба подталкивала её навстречу неизведанному.

Когда они покинули избушку, луна ярко светила им в путь, как старинный друг. Леса вокруг дышали неслышно, тени деревьев танцевали в такт их шагам. Они двигались в глубь ночи полное магии и тайн.

— Ты веришь в любовь, которая может переплетать судьбы? — спросила Калина, ее голос звучал едва слышно, как шепот ветра.

— Верю, — ответил Исаяя, его слова опаляли, как искры.

— Этот лес может ответить на любые вопросы, но только тем, кто готов слушать.

Каждое дерево, каждое шуршание в листве заставляло её чувствовать легкий страх и удивление. Эти места, как будто помня о своей прошлой славе, облекли их в покровы тайн и легенд.

По мере того как они углублялись всё дальше в лес, звуки затихали, оставляя только их дыхание и тропу, заметаемую черными тенями. Калина замерла и, обернувшись, попыталась разглядеть тот непонятный шорох, который привлек внимание в самом начале их пути.

Из-за темного куста выскочила кошка черная, с блестящей шерстью, как кусок ночи, окинув вас замудренным взглядом, полным древних тайн. Это был тот самый знак, который она помнила из легенд. Исаяя протянул руку, чтобы погладить её, но кошка выпрыгнула и исчезла в чаще.

— Она намекает, что мы на правильном пути, — произнёс Исаяя, его голос звучал с лёгким смехом, отражая уве-

ренность.

Калина больше не могла скрывать волнение. Энергия леса охватывала её, как теневой покров, проникая под кожу. Они продолжали идти, преодолевая каждую преграду на своём пути, уверенные, что ждёт их впереди нечто великое, нечто, что сможет изменить всё.

Темнота окружала их плотную, но в сердце их зарождалась надежда. Словно предвкушая сказку, которую они пока не понимали, но чувство взаимопонимания росло, как натянутая тугая струна, готовая распеться мелодией судьбы.

— Верь мне, — произнес Исая, обернувшись к Калина с искренним взглядом. — Мы вместе, не оставим друг друга. Легенды ждут нас.

Калина провела пальцем по резному узору оберега, и по коже пробежал не просто холодок — будто кто-то чужой коснулся её изнутри. Символы расплывались, как чернила в воде, стоило ей задержать взгляд.

— Он не хочет, чтобы его читали, — прошептала она, отдёргивая руку. — Это не просто ключ. Это... приглашение.

И лес уже его принял.

Исайя нахмурился:

— Что значит «принял»?

— Смотри.

Она кивнула в сторону окна. Там, где ещё минуту назад была знакомая тропа к роднику, теперь тянулась полоса густой тени — словно кто-то провёл по земле чёрным углём. Деревья будто сдвинулись, и даже воздух стал тяжелее, будто на плечи положили мокрый плащ.

— Тропа исчезла, — голос Исайи звучал твёрдо, но в глазах мелькнуло сомнение. — Значит, храм уже не там, где был.

— Не там, — кивнула Калина. — Он теперь там, где хочет быть. А оберег — это компас. Но он тянет не просто к камню. Он тянет к тому, что скрыто за границей.

Чёрная кошка снова мелькнула между стволами, присела, будто приглашая, и исчезла. Калина сжала кулаки.

— Она ведёт нас. Но я не уверена, что мы имеем право идти.

— А если не пойдём, — тихо сказал Исайя, — то завтра деревня проснётся в другом мире. Ты сама рассказывала: когда граница истончается, сны начинают ходить по улицам.

Калина вздрогнула. Она помнила, как в детстве видела, как старуха из соседнего дома разговаривала с тенью своего умершего мужа. Тогда мать шепнула ей: «Это значит, что лес

зовёт. И кто-то должен стоять между».

— Ты знал, — вдруг произнесла она, глядя ему прямо в глаза. — Ты знал, что это не просто находка.

Исайя не отвёл взгляд, но и не ответил сразу. Пауза повисла между ними, как натянутая струна.

— Старейшины просили проверить, готова ли ты, — наконец сказал он, и слова прозвучали как признание вины. — Но я не собирался отдавать его, если пойму, что это тебя ломает.

Калина сжала губы. Боль от его признания была острой, но не такой сильной, как страх за деревню.

— Значит, ты пришёл не только как друг, — сказала она спокойно, хотя внутри всё дрожало. — Но ты всё ещё стоишь здесь.

— Я стою здесь, — повторил он. — И я не уйду. Даже если ты скажешь «нет».

Она посмотрела на оберег, потом на лес. Тени теперь не просто лежали на земле — они шевелились, как живые.

— Тогда идём, — выдохнула она. — Но по моим правилам. Мы не пересекаем границу, пока я не пойму, чем придётся платить.

Они двинулись вперёд, и с каждым шагом воздух становился плотнее. Кошка появлялась то слева, то справа, как будто проверяя, не свернули ли они. Наконец, деревья расступились, и перед ними встали руины старого храма — каменные плиты, поросшие мхом, с выбитым в центре симво-

лом, точно таким же, как на обереге.

— Вот он, — прошептал Исайя.

— Да, — отозвалась Калина. — И он ждёт.

Она подошла к плите и провела ладонью по холодному камню. Символ вспыхнул тусклым светом, будто отозвался. Из-под плиты выскользнул свиток, туго перевязанный бечёвкой. На бечёвке темнел крошечный отпечаток пальца — знакомый. Калина узнала его мгновенно.

— Это мамин узел, — прошептала она. — Она знала.

Свиток раскрылся сам, стоило ей коснуться его. На пожелтевшей бумаге были не буквы, а строки, написанные не чернилами, а тенями. И первая строчка гласила: «Хранитель не выбирает путь. Путь выбирает хранителя. Цена — то, без чего ты не можешь жить».

Калина подняла глаза на Исайю. В его взгляде читалась готовность защищать, но и понимание: теперь выбора почти не осталось.

— Нам нужно понять, о какой цене речь, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — И если это то, о чём я думаю... я не хочу, чтобы ты оставался рядом, когда граница откроется.

— Я останусь, — твёрдо ответил он. — Даже если цена — моё место в этом мире.

В этот момент из темноты руин выступила фигура. Не человек и не тень, а нечто среднее — сторож границы, старый и мудрый, с глазами, в которых отражались все дороги, ко-

торых никто не выбрал.

— Вы пришли, — произнёс он голосом, похожим на шелест сухих листьев. — Теперь скажите: готовы ли вы услышать, что скрыто?

Глава вторая: Цена, которую нельзя назвать.

Фигура, выступившая из руин, не имела лица. Не в том смысле, что оно было скрыто капюшоном или тьмой — его просто не существовало. Вместо глаз — две глубокие трещины, из которых сочился тусклый свет, похожий на последний отблеск заката. Вместо рта — линия, которая двигалась, когда существо говорило, но не открывалась. Оно стояло, опираясь на посох, вросший корнями в каменную плиту, и от него пахло землёй после дождя и старой берестой.

Калина отступила на шаг. Исайя инстинктивно закрыл её собой, но сторож границы даже не шевельнулся. Он смотрел — если это можно было назвать взглядом — только на неё.

— Ты узнаёшь меня, — произнёс он. Это был не вопрос.

— Нет, — ответила Калина, но голос предал её, дрогнув на последнем звуке. Потому что в глубине трещин, служивших ему глазами, мелькнуло что-то знакомое. Не лицо. Не жест. А ощущение, будто она стояла здесь раньше, много лет назад, держа кого-то за руку.

— Ты была здесь, — продолжил сторож. — Тебе было пять. Ты принесла мне цветов чертополоха и спросила, почему я не вижу солнца. Я ответил: потому что я держу ночь. Ты засмеялась и сказала: «Я тоже умею держать ночь».

Калина почувствовала, как пол уходит из-под ног. Она помнила этот день. Помнила чертополох. Помнила, как мама привела её сюда, к руинам, и сказала: «Познакомься с тем, кто охраняет наш сон».

— Мама знала, — прошептала Калина. — Она знала всё это время.

— Она была хранительницей до тебя, — кивнул сторож. — А до неё — её мать. И так — двенадцать поколений. Каждая женщина вашего рода держала границу. Каждая платила свою цену.

— Какую? — голос Калины стал твёрдым. Не от смелости — от злости. Злости на мать, которая ничего не рассказала, на лес, который ждал, на судьбу, которая выбрала её задолго до рождения.

— Цена меняется, — ответил сторож. — Граница берёт то, без чего хранитель не может жить. И всегда — по-своему. Для твоей матери это был голос. Она перестала слышать шёпот леса в последний год своей жизни. Ты помнишь, как она замолчала?

Калина помнила. Последние месяцы перед смертью мать почти не разговаривала. Не потому что не хотела — потому что не могла. Слова застревали где-то на полпути, будто их перехватывали невидимые пальцы.

— Она отдала слух, чтобы удержать проход, — продолжал сторож. — Но граница ширится. Один хранитель больше не справляется. Вот почему оберег пришёл к тебе. Вот почему

лес начал двигаться.

— А если она откажется? — подал голос Исая. Он стоял рядом, напряжённый, как натянутая тетива.

— Тогда к рассвету деревня Великое Озеро окажется по ту сторону. Все. С их снами, памятью и именами. Они станут тенями, которых никто не вспомнит.

Тишина, повисшая после этих слов, была не просто тишиной — она была осязаемой, как каменная плита под ногами. Калина смотрела на свиток, на строку, написанную тенями: «Цена — то, без чего ты не можешь жить».

Она закрыла глаза и подумала: что для неё это? Что она не сможет пережить?

Память. Голос. Или человек, стоящий рядом.

— Я не прошу ответа сейчас, — сказал сторож, будто прочитав её мысли. — Но граница ждёт. Она всегда ждёт.

Он поднял посох и ударил им о плиту. Камень под ногами дрогнул, и по земле побежала трещина — не грубая, а тонкая, как нить, светящаяся изнутри. Она разделила руины пополам: одна сторона осталась в лунном свете, другая утонула в глубокой, бархатной темноте, в которой не было ни звука, ни запаха, ни движения воздуха.

— Это Зал Выбора, — пояснил сторож. — Каждый, кто входит, видит свою цену. Но видит не словами, а воспоминаниями. Ты войдёшь и поймёшь, что граница хочет забрать.

— А если я войду и не вернусь? — спросила Калина.

— Тогда войдёт второй, — сторож повернул трещи-

ны-глаза к Исайе. — И заплатит за тебя.

Исайя не дрогнул.

— Я войду первым, — сказал он.

— Нет, — Калина схватила его за руку. — Ты не знаешь, что там. Ты даже не знаешь, кто ты в этом мире. Ты пришёл с оберегом, который тебе дали старейшины. Ты даже не выбрал —

— Я выбрал, — перебил он. Впервые за весь вечер его голос не был ни мягким, ни глубоким. Он был просто человеческим. — Я выбрал, когда остался. Когда узнал, зачем меня послали, и всё равно не ушёл. Когда понял, что ты не просто хранительница, а...

Он не договорил. Не потому что не мог — потому что в этот момент из трещины в земле потянуло холодом, и тени вокруг них шевельнулись, будто прислушиваясь.

— Договори, — тихо попросила Калина.

— А человек, который не хочет тебя терять, — закончил Исайя.

Калина разжала его руку и шагнула к трещине. Потом остановилась.

— Если я войду и увижу, что цена — это память, — сказала она, не оборачиваясь, — я хочу, чтобы ты остался снаружи. Чтобы хоть кто-то помнил, кем я была.

— А если цена — это я? — спросил Исайя.

— Тогда я выйду и скажу тебе «прощай». И это будет единственное слово, которое я произнесу.

Она шагнула в темноту.

Внутри не было ничего. Не в том смысле, в каком бывает темнота — когда не видишь, но знаешь, что стены где-то рядом. Здесь не было стен. Не было верха и низа. Только ощущение, что она стоит, хотя тела она не чувствовала.

А потом пришло первое воспоминание.

Она увидела себя — маленькую, лет шести. Она сидела на крыльце избышки, а рядом — мама. Мама расчёсывала ей волосы и пела песню без слов, просто напевала мелодию, и Калина знала: эту мелодию мама слышит от леса. Это лес поёт для тех, кто умеет слушать.

Воспоминание было таким ярким, что Калина почувствовала запах маминой кофты — полынь и мёд. Почувствовала, как щекочет расчёска. Услышала мелодию, которую не слышала двадцать лет.

— Это можешь отдать, — прошептал голос из темноты. — Память о матери. Лес вернёт тебе знание, но уберёт тепло. Ты будешь помнить, что она существовала, но не вспомнишь, как пахли её руки.

Калина закричала — беззвучно, потому что здесь не было воздуха. Воспоминание начало тускнеть. Мамины черты расплывались, мелодия затихала, запах растворялся.

— Нет, — сказала она. — Не это.

Воспоминание вернулось, как вынырнувшее из воды.

Тут же пришло второе.

Она увидела себя — уже взрослой, может, пятнадцати лет.

Стоит на краю леса, и рядом Исайя. Молодой, с исцарапанными коленками и жадным взглядом, он показывает ей гнездо синицы на нижней ветке. Они оба шепчут, чтобы не спугнуть птицу. И Калина чувствует что-то новое — не страх, не любопытство, а тёплое, неудобное чувство, от которого хочется и убежать, и остаться.

— Это можешь отдать, — снова голос. — Чувство, которое родилось здесь. Лес оставит тебе дружбу, но уберёт любовь. Ты будешь знать, что он дорог тебе, как брат. Не больше.

На этот раз Калина не закричала. Она смотрела, как воспоминание дрожит, готовое исчезнуть, и думала: если я отдам это, я не перестану его любить. Я просто перестану это знать. Буду жить с дырой, которая не болит, потому что я не помню, что там было.

— Не это, — сказала она, и голос прозвучал ровно. Воспоминание вернулось.

Третье воспоминание было другим. В нём не было ни мамы, ни Исайи. В нём был лес.

Калина стояла одна, ночью, среди деревьев, и слушала. Лес говорил с ней — не словами, а потоками: где-то текла вода, где-то хрустнула ветка, где-то ухнула сова. И всё это складывалось в речь, понятную только ей. Она знала, где безопасно, где опасно, кто идёт по тропе и что ищет. Лес был её вторым телом, её расширенной кожей.

— Это можешь отдать, — голос теперь звучал иначе, по-

чти с сожалением. — Слух. Ты перестанешь слышать лес. Сможешь держать границу, но вслепую. Как твоя мать в последний год.

Калина застыла. Это было хуже, чем потерять память. Хуже, чем потерять любовь. Потому что без слуха она перестанет быть хранительницей. Она станет просто женщиной у границы, которая не понимает, что происходит по ту сторону.

И всё же — деревня. Люди. Дети, которые спят и видят сны, не зная, что в десяти шагах от их домов лес пожирает землю.

— А если я отдам все три? — спросила она.

Темнота замерла.

— Этого никто не просил, — голос звучал почти испуганно. — Граница берёт одно. Не три.

— Тогда я выбираю четвёртое, — сказала Калина.

— Четвёртого нет.

— Есть. Я отдам не память, не любовь и не слух. Я отдам себя. Не навсегда. На время. Я стану якорем. Перейду на ту сторону и буду держать границу оттуда. А когда найдётся следующий хранитель — вернусь.

Темнота молчала долго. Так долго, что Калина перестала чувствовать время.

— Ты понимаешь, что значит «оттуда»? — наконец спросил голос. — Там нет дней. Нет ночей. Ты будешь стоять и держать, не зная, прошёл час или век. Ты будешь слышать

всё, что происходит здесь, но не сможешь вернуться, пока кто-то не займёт твоё место.

— Понимаю.

— А он? — голос кивнул куда-то, хотя здесь не было направления. — Он не даст тебе уйти.

— Поэтому я не скажу ему, — ответила Калина. — Я выйду и скажу «прощай». Он решит, что цена — это разлука. А я буду знать, что цена — это я.

Темнота отступила.

Калина вышла из трещины.

Исайя стоял там же, где она его оставила. Лицо его было серым, а руки дрожали. Он бросился к ней, схватил за плечи, вглядываясь в глаза.

— Сколько тебя не было? — спросила она.

— Четыре минуты, — ответил он. — Я считал.

Ей показалось, что прошла жизнь.

— Я видела, — сказала она. — Я знаю цену.

— Какая?

Она посмотрела на него. На его тёмные волосы, на царапину на скуле, которую он получил, пробираясь к руинам. На руки, которые всё ещё держали её за плечи, крепко, будто боялись, что она растворится.

— Разлука, — сказала она. — Цена — это разлука.

Исайя отшатнулся, будто её ударили.

— Нет.

— Да. Один из нас должен перейти. Я или ты. Граница

требует якоря.

— Тогда я, — мгновенно ответил он.

— Нет, — она покачала головой. — Ты не знаешь, как держать. Ты не слышишь лес. Ты не чувствуешь границу. Ты просто... исчезнешь.

— А ты? — его голос сорвался.

— А я вернусь, — соврала она. — Когда найдётся следующий хранитель.

Исайя молчал. Потом медленно опустил руки и достал из-за пазухи оберег. Тот самый, с резным узором, который он принёс в избушку несколько часов назад. Казалось, прошла вечность.

— Тогда я останусь здесь, — сказал он, — и буду искать его. Следующего. Каждую ночь, пока ты не вернёшься.

Калина взяла оберег и положила его на каменную плиту. Символ вспыхнул, и трещина в земле начала сужаться.

— Ты должна знать, — вдруг подал голос сторож границы. Он стоял чуть поодаль, и трещины-глаза его стали глубже. — Якорь слышит всё, что происходит здесь. Каждый разговор. Каждый шаг. Каждый шёпот. Но не может ответить. Ты будешь слушать, как он ждёт тебя, и не сможешь сказать ему, что слышишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.